

ИРИНА ТАРАСОВА

ЛАРСОН

РАССКАЗ

Шла перестройка. Горбачёв увлечённо выступал по телевизору, убедительно рассказывая о замечательном будущем, которое нас ждёт очень скоро. Летом шумно, с размахом, провели Фестиваль молодёжи и студентов. В день открытия в Лужниках прошёл грандиозный четырёхчасовой концерт, где, кроме советских знаменитостей, выступали Карел Готт, Дин Рид и даже Боб Дилан. Информация, что за границей жизнь не хуже, чем в нашей стране, а вроде как даже лучше, стала ещё более убедительной. Активизировался самиздат. Кто-то из знакомых принёс моим родителям “Остров Крым” — завёрнутую в газету стопку уже немного замусоленных листов с текстом. Имея неудержимую страсть к чтению, я потихоньку стащила свёрток и прочитала единым махом. Фарцовщики почти перестали скрываться, предлагали джинсы “Монтана”, чёрные узкие солнцезащитные очки “Кисы”, кроссовки и другие модные шмотки. По рукам ходили аудиокассеты с песнями Цоя, БГ и группы “Примус”.

А я поступила в Российский технологический университет, за что папа мне подарил магнитофон “Весна 404” и пять кассет TDK с красными полосками, на которые я сразу переписала альбомы любимых групп. Это был полный восторг.

Первого сентября, взяв свой новенький студенческий билет с твёрдыми синими корочками, я приехала на торжественную линейку. Тогда институт

ТАРАСОВА Ирина Петровна родилась в Москве в 1968 году. Окончила Московский институт радиотехники, электроники и автоматики. Работала руководителем отдела рекламы в компании “ГК Удача”. В настоящий момент работает копирайтером для компаний “Миэль” и “Меркадор Холдинг”. Получает второе высшее образование в Литературном институте имени М. Горького. Живёт в Москве. Данная публикация — дебют.

назывался МИРЭА — радиотехники, электроники и автоматики. Как можно догадаться по названию, девочек в этом учебном заведении училось совсем немного. В моей группе из двадцати восьми человек нас оказалось только две: я и Лариска Пашутина. Мы сразу подружились. Лариса — невысокая и слегка полноватая, в отличие от меня — длинной и тощей. Она носила модную тогда стрижку “Аврора”, и чёрные локоны резаным каскадом ниспадали, образуя эффектную волнообразную массу. У неё был слегка вздёрнутый нос, губы бантиком, голубые глаза и насмешливый, нахальный взгляд. Лариска принадлежала к такому типу людей, про которых говорят: “Прёт, как танк”. Она сказала, что в школе её прозвали “Ларсон”, скрестив имя “Лариса” с окончанием фамилии Карлсона, и ей нравилось. Я так и стала её звать, а потом к этому присоединились все остальные, с кем мы общались. Никогда не сомневаясь в правильности своих слов и действий, Ларсон была всецело уверена в себе. Мне, застенчивой тихоне, нравилась её напористость и непоколебимость.

В первые же дни учёбы у нас образовался свой круг из пяти парней, трое из которых пришли в институт после окончания школы, их называли “молодые”, и двух “афганцев”, поступивших без всяких экзаменов двадцатичетырёхлетних мужчин, очень взрослых, как нам тогда казалось. С одним из них, весёлым темноволосым Серёгой, у Лариски завязался лёгкий роман. Ко мне парни приставали все по очереди: заманивали поехать домой, чтобы вдвоём посмотреть “Рэмбо” по видеку, зайти после института в гости на чашку чая, уединиться на последнем ряду кинотеатра и тому подобное. Все эти дешёвые уловки шуточно или строго, смотря по ситуации, я пресекала, и, ничего не добившись, они постепенно от меня отстали. Мне было спокойнее со всеми сохранять дружеские отношения, никого не выделяя.

Весь первый семестр мы тусовались, ходили в кино, гуляли, иногда собирались у кого-нибудь дома, предварительно затарившись дешёвым портвейном или ароматным свежим пивом, налитым в трёхлитровые банки. Один из нашей компании, худой блондин с зелёными глазами Димон, лихо крутил нижний брейк. Он устроил нам бесплатный проход в модное кафе “Молоко” рядом с институтом, где проводили дискотеки и фестивали брейк-данса. По пятницам мы там отрывались всей компанией. В старом мамином чемодане я нашла блестящее платье, на старой швейной машинке “Зингер” немного переделала его и сияла на танцполе в прямом и переносном смысле.

Каждое буднее утро, исполнившись чувством долга и дав себе слово пойти на лабораторные работы, лекции и семинары, я ехала в институт. Но около входа обычно уже стояла, покуривая длинные коричневые сигареты “More”, Ларсон с компанией. Увидев меня, она иронично спрашивала:

— Что, на лабы собралась?

— Надо сходить, — начинала оправдываться я. — Не хотелось бы вылететь из института после того, как поступила с большим трудом. Предки меня убьют, если я не сдам сессию.

— Конечно, — согласно кивал Серёга и брал меня под локоть.

— Очень важно сходить на лабы! — поддакивал Димон, сочувственно глядя на меня красивыми зелёными глазами. — Никто не спорит...

— А ещё сегодня матан, — качал головой второй “афганец” Костик и, выдохнув в сторону дымок от очередной затяжки, вежливо брал меня под вторую локоть.

— И семинар по линейной алгебре! — округлял глаза Димон.

— Лабы по физике это вообще наше всё! — проникновенно шептал Серёга.

Ласково поддерживая под локти, очень серьёзно продолжая рассуждать о необходимости посещения занятий, меня вели прочь от института. Мы ехали смотреть новый фильм “Волны умирают на берегу”, потом пить пиво и играть в монополию.

Чаще всего мы собирались у Лёши. Он жил на Краснопресненской в старом сталинском доме, прямо на Садовом кольце. Его родители уехали на несколько лет в Женеву, потому что отец работал заместителем директора департамента в ООН. За сыном должна была присматривать бабушка Наталья

Тимофеевна. Ей даже выделили небольшую комнату со старинным шифоньером и скрипучей кроватью. Но она предпочитала жить в собственной квартире в соседнем доме и заходила один раз в неделю, обычно по понедельникам. Каждый раз Наталья Тимофеевна, оказавшись в своей комнате, всплёскивала руками и спрашивала: “Алёша, кто спал на моей кровати?”. При этом она смотрела светло-голубыми глазами, вскинув будто бы удивлённо выцветшие брови и кривила бледные тонкие губы в ухмылке. “Ах, бабуля, кто только здесь не спал...” — вздыхал Лёша и приглашал её к нам на кухню. “Идите к нам, Наташа Тимофеевна! — галдели мы. — Хотите пивка? Или портвейну?” Бабушка обречённо махала рукой, выпивала с нами рюмочку портвейна и уходила до следующего понедельника. А у нас продолжалась игра.

В большинстве случаев главной монополисткой становилась Ларсон. У неё было потрясающее чутьё, и она выигрывала очень часто. Серёга обычно сдавался первый и, покуривая, наблюдал за игрой сверху, сидя на широком подоконнике. Иногда мы резались в карты в “дурака” на желание. Проигравший должен был исполнить задание игрока, который первым избавился от карт. Желания были смешными, например, побыть лошадкой выигравшего, просидеть следующий кон в лапах и маске, изобразить кенгуру, позвонить по незнакомому номеру и провести светскую беседу, прогавкать мелодию “Воздушная кукуруза”, лизнуть то, на что укажет победитель, и рассказать о своих ощущениях, и тому подобное. Выполнение заданий строго контролировалось всеми игроками с многочисленными советами и шутками-прибаутками. В случае отказа или плохого исполнения желания проигравшего ждали смачные щелбаны не только от победителя, но и всей компании.

Однажды в конце ноября, как обычно, мы сидели за длинным столом на кухне Лёши. Ларсон проигрывала и злилась. Игра шла с большим азартом, сопровождаясь подколками и ироничными замечаниями. Серёга выиграл, “повесив” две шестёрки ей на “погоны”. Все оживились и стали наперебой предлагать разные задания. Ларсон раскраснелась и громко требовала “нормальное желание”. Серёга потирал руки и приговаривал:

— Нормальное? У-у-у-у, что же мне загадать?

— Ларсон теперь у нас лейтенант! — ухмылялся Димон. — Надо что-то особенное!

— Да! Да! Что-то неприличное! — весело предложил Костик.

— Серёга! Желание! Серёга, давай! Же-ла-ни-е! — кричали мы и хлопали в ладоши.

Ларсон обвела всех строгим взглядом и громко сказала, поджав губы:

— Раздеваться не буду!

Возникла небольшая пауза, и Серёга, закурив сигарету, спокойно произнёс:

— Хорошо, тогда одевайся. Иди в коридор и надень на себя всё, что там есть.

Ларсон хмыкнула и отправилась в просторную прихожую, где на вешалке висела её дублёнка, моё зимнее пальто и пять мужских курток. Также пришлось накрутить на себя несколько шарфов, натянуть несколько шапок и перчаток. С весёлым гиканьем примчавшись в коридор, мы стали наблюдать за Лариской, с хохотом комментируя происходящее:

— Вон ещё Лёшина шапка-ушанка лежит, её тоже надень!

— Ты пропустила “аляску” Костика!

— А сапоги? Давай, давай!

Постепенно Ларсон превратилась в огромный неуклюжий ком одежды, из которого задорно выглядывали её синие глаза.

— Ну, всё?! — спросила она голосом, приглушённым тремя шарфами, и завалилась на пол под очередную порцию нашего хохота.

Незаметно подкрался декабрь с зачётами и экзаменами. Трое наших парней откололись от компании и засели за книги, понимая, что для них поблажек не будет. В институте была военная кафедра, и не служившие в армии ребята всеми силами старались сначала поступить в институт, а потом там удержаться. Мы с Лариской легкомысленно продолжали тусить с “афганца-

ми” надеясь, что как-нибудь проскочим. Но первые же зачёты показали, что преподаватели, оказывается, очень не любят, когда их занятия не посещают, и безо всякого сострадания отправляют на пересдачу. А без зачёта не получишь допуск к экзаменационной сессии.

Кое-как сдав зачёты по английскому и матану, мы с ужасом ждали физику. Сей предмет вёл весьма неординарный преподаватель. Звали его Михаил Петрович Пуговкин. Несмотря на свою милую фамилию, это был человек довольно ядовитый. Ходили слухи, что он придирчивый и вредный, надо сильно постараться, чтобы получить у него зачёт и сдать экзамен. Хотя внешне он выглядел довольно добродушным и был весьма привлекательным. Высокий, спортивного телосложения, тридцатидвухлетний темноволосый мужчина, с аккуратной стрижкой и короткой, холёной бородкой. Он одевался в костюмы, джинсы и рубашки, которые в обычных магазинах тогда не продавали. Когда его спрашивали: “Михаил Петрович, откуда у вас такой элегантный пиджак?” — он обычно говорил с кривой ухмылкой: “От верблюда”. В нашем институте было несколько таких “верблюдов”, старшекурсников. Они приносили импортные шмотки и показывали в укромном уголке рядом со столовой. Можно было заказать что-то конкретное. Ларсон как-то купила себе джинсы “Райфл”, а я — кроссовки “Найк”. На работу Пуговкин приезжал на новеньких белых “Жигулях”, что добавляло ему шарма в глазах девушек. А с женской стороны преподавательского состава к нему и вовсе было повышенное внимание. Ко всем прочим достоинствам симпатичный и любезный доцент Михаил Петрович не был женат.

Часто в столовой его атаковали студентки какими-нибудь вопросами или комплиментами. Он игнорировал их обращения или отвечал с иронией.

— Михаил Петрович, пожалуйста, проходите вперёд, — предлагала милостивая девушка со второго курса, отодвигая свой поднос.

— Я не спешу, — ухмылялся Пуговкин и шёл в конец очереди.

— Булочки с повидлом закончились! — выкрикнула повариха в высоком белом колпаке.

— Михаил Петрович, вот, возьмите мою! — пыталась подлизаться к Пуговкину пышногрудая третьекурсница с округлыми формами, протягивая румяную сдобу на тарелочке.

— Нет, спасибо, мне кажется, вам нужнее, — ехидно говорил Пуговкин и отходил от прилавка.

— Михаил Петрович, позвольте сесть за ваш столик? — заискивающе просила очередная первокурсница, отчаянно хлопая ресницами. — Все остальные заняты...

— Это столик для преподавателей, — возражал Пуговкин и вежливо продолжал: — Я жду коллег. Найдите другое место.

Мы с Ларсоном были всего на двух или трёх его лекциях. Он любил идеальную тишину, внимательные взгляды студентов и умные вопросы после лекции. Любой посторонний звук, стук входной двери и извинения опоздавшего, смехок на верхней лавке аудитории, кашель, чихание, упавший предмет его сильно раздражали. На первой лекции мы этого не знали, и, когда я зевнула, а Ларсон положила мне в рот ластик, шума было много. Я фыркала и плевалась. Ларсон и Серёга, который сидел рядом с ней, прыснули со смеху. Сверху и снизу на нас стали весело оглядываться и громким шёпотом спрашивать, что случилось. Со всех сторон слышалось весёлое шушуканье и хихиканье. Михаил Петрович прервал объяснение, положил мел на полку тёмно-зелёной доски и медленно повернулся к аудитории. Я опустила глаза и притворилась, что пишу. Ларсон покраснелась и, пытаясь сдерживать смех, водила ручкой по тетради. Сергей опустил голову, зажав рот рукой. Михаил Петрович внимательно посмотрел на Лариску и её приятеля и спокойно сказал:

— Прошу вас удалиться из класса. С вещами.

Мы сидели в середине длинной лавки на пятом или шестом ряду. Чтобы не поднимать других студентов, Ларсон взяла свою сумку, залезла на длинный стол и медленно по нему пошла. Серёга последовал за ней. Студенты спешно убирали тетрадки, с трудом сдерживая смех. Кто-то на заднем ряду

тихонько прогудел марш Мендельсона. Аудитория заполнилась весёлым гулом. Пуговкин иронично наблюдал за парой. Ларсон изящно слезла со стола, метнув на преподавателя кокетливый взгляд. Серёга прыгнул следом.

— Прошу вас написать в журнале ваши имена и фамилии и расписаться, — разделяя слова, проговорил Пуговкин.

Ларсон прошла на кафедру, достала ручку, игриво поглядывая на преподавателя, вывела крупные буквы: “Пашутина Лариса Владимировна” и поставила рядом размашистую подпись. За ней подошёл Серёга. Ларсон торжественно передала ручку. Он тоже записал свое имя и расписался. Студенты ликовали. На последнем ряду кто-то выкрикнул: “Горько!”. Раздался взрыв хохота. Ларсон метнула на Пуговкина многообещающий взгляд и очаровательно улыбнулась. Взяв Серёгу под руку, она направилась к выходу из аудитории.

Когда они закрыли за собой дверь, Михаил Петрович, хмыкнув, осведомился:

— Не хочет ли ещё кто-нибудь покинуть лекцию?

Воцарилась гробовая тишина. Пуговкин окинул аудиторию пристальным сверлящим взглядом и, пригладив бородку, небрежно бросил:

— Зачёт не за горами.

Студенты, затаив дыхание, уткнулись в тетради. Михаил Петрович взял кусок мела и вернулся к прерванным рассуждениям.

После лекции мы встретились в столовой. Парни сидели за дальним столом и обсуждали новый альбом-сборник “The Singles” Depeche Mode. Мы с Лариской решили перекусить.

— Во как вас поженили, — хихикала я, ставя на поднос тарелку с гречкой и котлетой.

— Не говори, — хмыкнула Ларсон и взяла компот.

— Того и гляди, правда, за Серёгу замуж выйдешь, — весело сказала я, двигая поднос к кассе.

— Ну, что ты! — фыркнула Ларсон и попросила у раздатчицы макароны с сосисками. — Наши — это шантрапа. Так, для времяпровождения. То ли дело препода охмурить. Например, нашего Пуговкина. Это было бы круто.

— Для этого надо хотя бы на его семинары и лекции ходить — возразила я, распахиваясь. — К тому же за ним пол-института бегают.

— Да, он офигенный! — не унималась Ларсон. — Такой симпатичный! К тому же при деньгах. На машине ездит. И говорят, у него есть своя квартира здесь, на Юго-Западе. Опять же, физика у нас до четвёртого курса будет. Я уже пыталась ему глазки строить, когда столкнулась с ним в раздевалке. Специально номерок уронила. Он поднял, отдал и никак не отреагировал на мою неземную красоту!

— На меня он тоже не обращает внимания, — сообщила я и, пожав плечами, пошла к парням из нашей компании.

Спустя пару дней Ларсон мне хвасталась первой победой.

— Я случайно встретила Пуговкина в преподавательском кафе, — тихо рассказывала она, когда мы стояли на улице у входа в институт во время перерыва.

— Караулила его? — хмыкнула я.

— Это неважно, — фыркнула Ларсон и закурила коричневую сигарету. — Я как бы не нарочно уронила рубль и нагнулась прямо перед ним.

Я внимательно оглядела Лариску. На ней была расстёгнутая светлая куртка до пояса, белый свитер и чёрная расклешённая короткая юбка. Не заметив ничего особенного, я вопросительно взглянула на подружку.

— Не туда смотришь! — она выпустила струйку дыма и процедила: — Я в чулках. Понимаешь?

— А-а-а, — протянула я и хихикнула. — Была реакция?

— Он смутился. Даже отошёл в другую сторону.

— Это всё? — разочарованно спросила я.

— Нет! — Ларсон распахнула свои голубые глаза. — Потом, на улице, он проходил мимо меня и поинтересовался, не холодно ли мне в такой короткой юбке! — победоносно сообщила Ларсон.

Я продолжала молча смотреть на неё.

— Ну, значит, он заметил! — воскликнула она.

Ещё через неделю Ларсон сообщила, что она сидела за первой партой на лекции, которую я пропустила, благополучно проспав, и Пуговкин обратил на неё внимание.

— Он несколько раз на меня посмотрел, два раза улыбнулся и потом... — она сделала многозначную паузу и подняла палец. — Подал мне тетрадку, которая упала ему под ноги!

— В смысле, ты её нарочно спихнула...

— Что ты придираешься! — поджала губы Ларсон. — Он заинтересовался мной! Я это чувствую!

Настал день зачёта по физике. Накануне я пыталась освоить программу за три месяца. Ларсон с Серёгой нарисовалась перед аудиторией за пять минут до начала зачёта. Я приготовила шпаргалки “бомбы” и нервно проверяла, получится ли у меня незаметно и быстро вытащить лист с ответом из специально пришитого потайного кармана. Ларсон, как всегда, была сама уверенность. Она заручилась поддержкой одного из ботанов из нашей группы, который обещал сесть с ней рядом и подсказать. Серёгу волновало только то, что от него пахло перегаром. Я дала ему кофейное зернышко. Он пожевал и весело сказал:

— Не дрейфь, прорвёмся!

Дверь в аудиторию распахнулась, и Пуговкин пригласил нас на зачёт. Ларсон села во втором ряду, я пристроилась в последнем. В этой аудитории обычно проходили лабораторные работы. При входе справа — стол преподавателя за высокими металлическими ящиками, как за перегородкой, а слева оставался узкий проход в аудиторию. В этом коридорчике можно было находиться незамеченным и при этом всё слышать. Ещё в щель между ящиками был виден стол преподавателя и сидящий напротив студент.

Пуговкин прошёл по рядам и выдал каждому по три вопроса, напечатанных на тонких полосках бумаги. Окинув студентов скептическим взглядом, он сел за стол и развернул “Московский комсомолец”.

По мере готовности студенты начали поочередно подходить к преподавателю. Присев на стул напротив Михаила Петровича, они отвечали, кто-то бодро и твёрдо, кто-то тихо и нерешительно. Пуговкин задавал много вопросов, представлял “зачёт” или возвращал зачётку без заветной надписи.

Серёга быстро получил свой незачёт и отправился курить. Дошла очередь до меня. Мне удалось вытащить “бомбу”, и я надеялась, что у меня всё получится. Однако, как только я начала отвечать, Михаил Петрович вежливо меня остановил и попросил ответить на другой вопрос, не написанный на моей бумажной полосочке. Я растерялась. Он спросил ещё. Я сидела и бестолково моргала глазами. Все мысли улетучились, и голова звенела пустотой. Михаил Петрович закрыл мою зачётную книжку и молча положил передо мной. Я встала, обречённо взяла зачётку и пошла к выходу, краем глаза заметив, что идёт отвечать Ларсон. Решив подождать приятельницу и послушать, как она справится с испытанием, я спряталась за перегородкой из металлических ящиков и стала смотреть в щёлку. Ларсон села напротив преподавателя, кокетливо глядя на Михаила Петровича и улыбаясь своей самой очаровательной улыбкой. Она выглядела весёлой и уверенной, громко начала отвечать на первый вопрос, поглядывая в свой листок. Пуговкин откинулся на стуле, внимательно её слушал, не отводя взгляда.

Ларсон вещала, как на трибуне. Её речь была чёткой и невозмутимой. Когда она закончила, Михаил Петрович обворожительно улыбнулся и задал ей вопрос:

— Это понятно, а почему так происходит? Поясните, пожалуйста.

Ни на секунду не задумываясь, Ларсон заявила:

— А потому что... — и замолчала. Было видно, что дальше она не знает, что сказать. Пуговкин терпеливо ждал, сложив руки на груди и покачиваясь на стуле. Ларсон растерянно глядела на преподавателя. Пуговкин покрутил её зачётку и мягким тоном спросил:

— Лариса Владимировна, а что вы делаете сегодня вечером?

Ларсон заморгала глазами от неожиданности и блаженно расплылась в улыбке. Михаил Петрович ласково смотрел на неё и ждал ответа. “Вот это да! Ну, повезло Лариске!” — подумала я, и от зависти у меня заболела голова.

— Я свободна, — радостно, с придыханием произнесла Ларсон. Её глаза вспыхнули счастливым огнём и заблестели, она всем телом подалась вперёд, не сводя сияющего взгляда с преподавателя. Стало очень тихо. Было слышно, как на улице запевала вьюга, бросая в окна пригоршни снежной крупы. Я переставила ногу, чтобы ещё немного приблизиться к щели. Подо мной негромко и как-то ехидно скрипнул паркет. Пуговкин выдержал долгую многозначительную паузу и мягким тоном проговорил:

— Очень хорошо, Лариса Владимировна, что вы свободны. Вот вы придёте домой, возьмите учебник и почитайте.

Снисходительно улыбнувшись, он медленно отодвинул от себя зачётку. Ларсон, опешив, растерянно её схватила, резко встала и, красная, как варёный рак, выбежала из аудитории, пролетев мимо меня. Я так и прыснула.

Зачёт нам Пуговкин поставил только на третий раз. К экзамену мы уже знали наизусть весь пройденный материал и получили по “четвёрке”. Правда, сессия наша сильно затянулась, и, когда однокурсники спокойно отдыхали и веселились, мы носились за преподавателями, чтобы сдать хвосты.

Через пять лет свои дипломные работы я и Ларсон защитили на “отлично”.